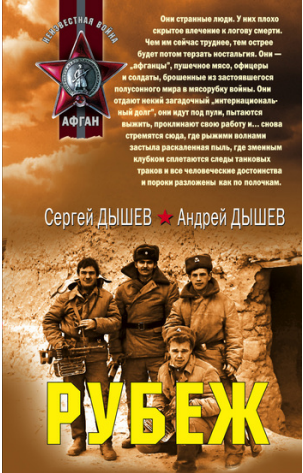

Андрей Михайлович Дышев

Оглянись

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176570
Рубеж: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22233-9*

Аннотация

Они странные люди. У них плохо скрытое влечение к логову смерти. Чем им сейчас труднее, тем острее будет потом терзать ностальгия. Они – «афганцы», пушечное мясо, офицеры и солдаты, брошенные из застоявшегося полусонного мира в мясорубку войны. Они отдают некий загадочный «интернациональный долг», они идут под пули, пытаются выжить, проклинают свою работу и... снова стремятся сюда, где рыжими волнами застыла раскаленная пыль, где змеиным клубком сплетаются следы танковых траков, и все человеческие достоинства и пороки разложены, как по полочкам.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Андрей Дышев

Оглянись

Глава 1

Афганистан. Февраль 1983 года

- Шарыгин, сколько банок тушенки во взводе осталось?
- Штук двадцать, товарищ лейтенант. Опухнем от голода.
- Ты, Шарыгин, скорее ото сна опухнешь, чем от голода. Пообедаем в дороге, а ужинать будем уже дома. Две банки на трех человек. Сможешь поделить?
- Обижаете, товарищ лейтенант. Я вообще могу свою пайку молодым отдать. Кстати, у нас еще один едок объявился. В наш бэтээр девушку посадили.
- Какую девушку? – не понял Нестеров.
- Ее привел капитан Воблин. Говорят, что до госпиталя поедет с нами. По-моему, это медсестра с заставы.
- Почему к нам? – пожал плечами лейтенант. – У нас что, самая просторная машина?
- Сержант, постукивая пыльным ботинком по колесу бэтэера, ответил:
- У нас самая безопасная. Так командование считает.
- Так считают те, кто мало бывал под обстрелом. Когда колонна нарывается на засаду, то самое безопасное место где?
- В голове, – неуверенно предположил сержант.
- Нет!
- В середине?
- Мимо!
- В хвосте? – уж совсем растерянно произнес сержант.
- В Сочи, на пляже! – ответил Нестеров.

День выдался морозным, под ногами певуче поскрипывал снег. Пританцовывая от холода, Нестеров зашагал вдоль машин батальона, который в течение недели сопровождал колонну «КамАЗов» с боеприпасами и провиантом для «точек» и наконец возвращался на базу.

На броне боевой машины пехоты, сучая, сидел командир второго взвода старший лейтенант Ашот Вартанян. Его плохо выбритое лицо выражало беспредельную тоску и усталость.

– Саня! – позвал он Нестерова, прыгнул на снег и взял его за рукав бушлата. – Н-не ходи на свой б-бэтээр. Тебе Воблин каблуки п-повырывает, не снимая ботинок.

Говорил Ашот плохо, заикаясь до такой степени, что нужно было напрягать слух, мучительно ожидать, когда он закончит начатую фразу.

– Ты разве не знаешь, – продолжал Вартанян, – что он затаился там с бабой? Рискуешь нарваться на неприятность...

Едва поспевая, Ашот плелся за Нестеровым. На бронетранспортер он полез первым, взбирался долго и неловко, гремел сапогами по жалюзи трансмиссии, потом опустил голову в люк и негромко сказал:

– З-здравия желаю!

Он тут же выпрямился, посмотрел на Нестерова и закатил глаза вверх, дескать, зря мы сюда приперлись. Нестеров тоже заглянул вовнутрь. На командирском сиденье, в бушлате с капитанскими погонами, сидела девушка. Рядом с ней, под пулеметом, – начальник штаба

батальона капитан Воблин, замещающий уже неделю комбата. Оба молчали. Девушка, казалось, сильно замерзла, отчего подняла плечи, сжалась в комок. Капитан выжидающе смотрел на Нестерова. Затем негромко спросил:

– Я не мешаю тебе, Нестеров? И долго ты собираешься висеть вниз головой?

Девушка тоже подняла глаза и улыбнулась.

– Да я, собственно, высморкаться в люк хотел. А тут вы, оказывается, – процедил Нестеров и выпрямился.

Сразу же за ним в люке показался Воблин. Несмотря на свою невысокую округлую фигуру, он пружинисто выпрыгнул на броню и соскочил на землю.

– За девушку отвечаешь головой, Нестеров, – сказал он. – Создать ей уют и комфорт. Она едет с нами.

Воблин зачем-то подмигнул и быстро зашагал вдоль колонны, ежеминутно вскидывая руку вверх и глядя на часы. Привал у маленького придорожного гарнизона затянулся. Ждали тягач, прозванный в просторечье «таблеткой», который нужно было перегнать в ремонт. За морозную ночь «таблетка» намертво вмерзла гусеницами в мятый и еще вчера податливый грунт. Офицеры и солдаты стояли у машин, курили, смеялись, матерились, размахивали руками, чтобы согреться. Смуглый, широкоплечий командир отделения сержант Владимир Шарыгин, не расставаясь со своим автоматом, ровненько выставил ножку в начищенном до блеска сапоге и о чем-то тихо рассказывал солдатам. Те, слушая его, время от времени хохотали. За спинами товарищей тенью, невидимый и неслышимый, стоял белесый восемнадцатилетний водитель Жора Бенкеч, вчерашний пэтэушник, робкий, закомплексованный, с неизменно грязными ладонями. Всякий раз Нестеров, разговаривая с солдатом, мучился оттого, что мучился этот затурканный «дедами» мальчик, не знающий, куда ему деть руки, когда к нему обращались с вопросом. Лопухо накинутая на его голову ушанка, торчащий из-под бронежилета легкомысленный зеленый свитер с цветочками, съехавший к низу живота ремень, широченное галифе с жирными пятнами бензина и смазки – все это вызывало у Нестерова легкое, чуть пренебрежительное чувство жалости к солдату. Пулеметчик Коля Карицкий, не по годам плешивый, с черным от пыли и соленой гари лицом и широкой, как рубленая рана, улыбкой, слушал сержанта, глядя на него восторженным взглядом.

Лязгая гусеницами, «таблетка» наконец замкнула колонну, и сразу же раздалась команда «По машинам!». В одно мгновение все вокруг ожило, забегали солдаты, старшие машин надели шлемофоны, забросив шапки в утробы боевых машин; белый дым выхлопов поднимался над колонной, и казалось, какое-то невидимое препятствие едва сдерживает натиск боевой колонны.

Нестеров удобнее сел на броне и коснулся сапогами плеч водителя Бенкеча, словно хотел удостовериться, что тот на месте и готов к работе. Вспомнив о пассажирке, Нестеров нагнулся над люком, девушка сидела без движения и словно вжалась в крохотное сиденье. «Это, конечно, не такси», – с едкой иронией подумал он и тронул девушку за плечо:

– Шлемофон хотите?

– Зачем?

– Теплее будет и ушам спокойнее.

Она отрицательно покачала головой и, как о простых, обычных вещах, спросила:

– Как вы думаете, под Багланом по нам стрелять будут?

«Если бы я знал!» – подумал Нестеров и поморщился. Он привык отвечать головой за свой взвод и технику. Но как можно отвечать за девушку, место которой – в госпитальных палатах, в операционной, в перевязочной или процедурной, но уж никак не в боевой машине!

Шарыгин сел рядом с Нестеровым, сдвинул шапку на затылок, передернул затвор автомата и сунул в зубы сигарету. Холодный ветер трепал его темный чуб, колотил воротник

бушлата, но сержант, казалось, не замечал этого и несколько раз безрезультатно чиркнул спичкой.

Маленький гарнизон остался за спиной, и по обе стороны разбитой, усеянной воронками дороги потянулись припорошенные грязным снегом поля, горы, пустые и немые, полого изгибающиеся, словно застывшее штормящее море. Иногда по пути встречались похожие на памятники, установленные на вершинах сопок боевые машины охранения. С проездом колонны мимо они давали одиночный залп неведь куда, словно салютовали своим железным собратям.

Нестеров, сидя на броне, постепенно уходил в дремоту и, порой оглядываясь по сторонам, не мог сразу разобраться – наяву ли эти горы, этот ветер в лицо и осторожный, звериный ход колонны, эти застывшие на броне фигурки людей с оружием и в бронежилетах, и смуглые лица солдат, которые с нефальшивой бдительностью оглядывали развалины дувалов, и молчаливая девушка в бушлате не по размеру, с офицерскими погонами на плечах, вросшая в карликовое сиденье между ящиками с цинками патронов.

За сопками потянулись убогие голые рощицы и отдельные деревья – обломанные и расщепленные стрельбой, с обгоревшими уродливыми ветвями, останки глинобитных стен, не похожие на творение человеческих рук. И все это стусевывалось, размазывалось тихим туманом, нагнетало неопределенное чувство тревоги, смутной опасности, словно колонна ехала не по земле, а по далекой пустой планете.

Нестеров дернул головой, стряхивая с себя липкий сон. Сержант Шарыгин тоже выпрямился, поставил автомат между колен стволом вверх и стал напряженно всматриваться вперед. Оба они почувствовали, как постепенно нарастает скорость у бронетранспортера, и водитель Жора Бенкеч уже не объезжал глубокие рытвины в асфальте, а все сильнее давил на газ.

БТР выл, скрежетал коробкой передач, с силой ударяясь о края ям, выпрыгивая из них, как мяч.

И тут Нестеров понял, чем эта местность отличается от той, которую они проезжали раньше. Вокруг не было людей. Ни одного человека. Ни стариков на ослах, ни детей вдоль дороги, ни дехкан в поле. Колонна ехала по полигону, мишенному полю, из которого заблаговременно вывели все живое, чтобы обрушить огонь только на тех, кому он был предназначен.

Отсоединив штекер шлемофона, Нестеров нырнул в люк и быстро потянул рукой рычаг, закрывающий окошко бронированной шторкой. Девушка удивленно посмотрела на него.

– Зачем?

– Гравий из-под колес, – первое, что пришло на ум, сказал Нестеров и попытался улыбнуться. Девушка тоже улыбнулась – даже насмешливо.

Нестеров не ошибся.

Где-то рядом оглушительно хлопнул выстрел. Нестеров инстинктивно пригнулся, и сержант, словно тень, проделал то же самое.

– Товарищ лейтенант, откуда стреляли? – с каким-то будничным интересом спросил Шарыгин, вращая головой в разные стороны.

– Карицкий! – крикнул Нестеров. – К пулемету!

Сержант, должно быть, что-то опять спросил, но его слов Нестеров не расслышал. Резкой волной ворвалась в воздух стрельба, впереди идущие бронетранспортеры открыли огонь из пулеметов по рыжим, скрытым за деревьями дувалам.

Нестеров и Шарыгин нырнули по пояс в люки, в одно мгновение снимая автоматы с предохранителей. Фигура Шарыгина в черном бушлате мешала Нестерову удобно изгот-

солнцезащитные очки. Он увидел перед собой мелькающие развалины, серые пятна людей между ними и заслонившее все это черное окно прицельной мушки. Еще какое-то мгновение Нестеров пытался прицелиться и резко нажал на спусковой крючок.

Звука своего выстрела он не услышал, лишь почувствовал, как содрогнулся внезапно оживший в его руках автомат и горло обжег знакомый запах пороховой гари.

Броня под грудью задрожала и, казалось, сама стала выделять из себя смертоносную энергию. В ту же секунду Нестеров щекой почувствовал жар огня пулемета. И звук его был настолько страшен своей колоссальной силой и мощностью, вынести его было так трудно, что Нестеров опустил голову на броню, чтобы перетерпеть огневой удар пулеметчика Карицкого.

Он вновь потянул спусковой крючок, еще сильнее вжимаясь в броню всем телом, но автомат недвижимо застыл в его руках, металлически клацнул ударник. «Как некстати», – подумал Нестеров, боясь потерять ставшие бесценными секунды, отстегнул связанные лентой магазины, перевернул полным вверх; нервничал, ударяя им об автомат, – никак не присоединялся.

И тут броня вздыбилась, закачалась и стала быстро подниматься в вертикальное положение. Бронетранспортер на полной скорости вылетел с дорожного полотна, сильно накренившись, съехал в кювет и, пробороздив еще несколько метров по земле и рыхлому снегу, замер, словно раненый зверь.

Глава 2

«Нас подбили? – лихорадочно подумал Нестеров. – Но почему не было слышно взрыва?»

Ему казалось, что бронетранспортер именно в это мгновение превращается в мишень, под которую кто-то медленно подводит обрез прицельного штырька. Он спрыгнул вслед за Шарыгиным вниз, поскользнулся на размытом грунте и тяжело упал рядом с машиной. Но тут же встал на ноги, выпрямился, стараясь разглядеть, откуда били по ним, и в ту же секунду услышал над головой знакомый свист. Не торопясь припасть к земле, Нестеров стоял на одном колене и рассматривал развалины дузалов. Бенкеч тоже приподнялся, встал на колени, но тут же поскользнулся на мокрой наледи и упал, с размаху ударив автоматом о землю.

Словно из открытой дверцы раскаленной печи дохнуло жаром, и автоматную трескотню пререзал какой-то дребезжащий, не похожий ни на что земное рев. Бледно-красный шлейф мелькнул перед глазами Нестерова лишь на долю секунды, как раз в том месте, где только что стоял Бенкеч. Потом рядом за их спинами ухнул взрыв.

«Граната! – догадался Нестеров, моментально припадая к земле и чувствуя, как напряжение сковывает его тело. – Сейчас по бронетранспортеру выстрелят во второй раз и уже не промахнутся».

– Карицкий! – крикнул Нестеров. – Девушка где? Она все еще внутри?!

Солдат, прижавшись щекой к прикладу автомата, стрелял. Нестеров не стал повторять вопрос, поднялся на ноги и рванулся к бронетранспортеру.

«Какого черта... – думал он. – Почему она все еще там?»

Он уже поднял ногу, чтобы встать на диск колеса, как его сильно оттолкнул в сторону Шарыгин.

– Назад! – крикнул он Нестерову.

Нестеров машинально подчинился, присел, глядя, как сержант ползет по броне к люку. Потом, опомнившись, бросился к дороге.

– Прикройте Шарыгина!

Через минуту из бокового люка выпрыгнула на землю девушка, а следом за ней – Шарыгин. Нестеров лишь на секунду обернулся, но не увидел лица медсестры.

И тут сзади раздался крик солдата Алимова:

– Со спины бьют! Окружили!

Бенкеч вскочил на ноги, рванулся к кустам, плюхнулся всем телом прямо в ручей и там, в грязи, прижался щекой к прикладу автомата.

– И слева бородатые! Смотрите, слева! Слева! Вон, вон!

Шарыгин ползком поднимался по склону кювета и махал рукой.

Впервые за время обстрела Нестеров увидел их отчетливо. Метрах в ста от бронетранспортера два человека в темных пиджаках, чалмах и с оружием в руках, пригибаясь, быстро бежали через дорогу.

– Товарищ лейтенант, я сам... – задыхаясь, произнес Шарыгин, метнулся по дну кювета туда, где должно было сомкнуться кольцо бородатых, упал у кустов и прижал к щеке приклад. Один из «духов» сразу же осел на землю, а второй, прыгнув под откос, покатился в укрытие. Шарыгин перестал стрелять, вжался лицом в снег.

Нестеров почувствовал, как у него в висках заколотилась кровь от напряжения. Он перевернулся на спину и посмотрел назад. Девушка лежала у колес бронетранспортера и пыталась зарядить пустой магазин. Рядом с ней – разорванная пачка с патронами. Карицкий замер у самой дороги и стрелял по дувалам. Бенкеч все еще лежал в ручье и вздрагивал после

каждой очереди. Вокруг него медленно втягивались в грязь раскиданные пустые и полные магазины. Наконец солдат повернул черное от гари лицо и сипло сказал:

– Товарищ лейтенант, нам шиздец!

– Не ссы, Бенкеч! Морская гвардия не тонет!

– Какая еще морская гвардия? Я пехота, и мне до дембеля два месяца...

– Наши! Наши! – раздался крик сержанта Шарыгина. По дороге на бешеной скорости мчалась боевая машина пехоты. Ее пушка была повернута в сторону дувалов, разрывы снарядов разбивали глинобитные стены в щебень и пыль.

БМП поравнялась с Карицким, лежащим на грязном снегу, и остановилась. Малорослый, коротко стриженный офицер, едва высунувшись из люка, заплетающимся языком произнес:

– Чего лежите? Тащите трос и цепляйте.

Это был командир роты старший лейтенант Сергей Звягин.

Бенкеч в одно мгновение запрыгнул на БТР, вытащил трос и метнулся к боевой машине. Ротный что-то крикнул своему механику-водителю, и БМП с утробным рычанием потащила бронетранспортер из кювета. Солдаты помогли медсестре взобраться на броню...

Нестеров нырнул в люк. Девушка, растирая руками лицо, сидела на своем прежнем месте. «Ничего, – подумал Нестеров, – ты еще с восторгом будешь рассказывать своим подругам про этот день».

Вся колонна батальона стояла на обочине дороги рядом с большим кишлаком, раскинувшимся у подножия голых, отшлифованных ветрами гор. Нестеров спрыгнул на землю и пошел к БМП. Звягин сидел на броне и протирал ветошью автомат. Нестеров молча протянул ротному руку.

– Спасибо, выручил.

– «Спасибо» в стакан не нальешь, – ответил Звягин. – Подойди к Воблину. Он хотел тебя видеть.

Начальник штаба стоял перед строем офицеров и что-то резко говорил Вартаняну. Увидев Нестерова, замолчал, но не изменился в лице.

– Цел, герой? Доложи, что с девушкой.

Нестеров хотел было ответить, но Воблин опять повернулся к строю.

– Ладно, потом!

Нестеров стащил с головы шлемофон, провел ладонью по влажным волосам, вынул из кармана измятую пачку сигарет и долго ковырялся в ней пальцами.

Наконец Воблин скомандовал «разойдись» и подошел к Нестерову. Обнял его одной рукой за плечи и повел вдоль колонны.

– Ну, расскажи, Нестеров, как там наша девчонка? Что с машиной?

– Вас что интересует в первую очередь – машина или девчонка? – вопросом на вопрос ответил Нестеров.

– Что с тобой? – Воблин отступил на шаг и, щурясь, взглянул на Нестерова. – Ты чем-то недоволен, лейтенант? Сознание затуманилось? «Духи» насмерть испугали, да?

– Не в этом дело. Я или выполняю боевую задачу, или обеспечиваю безопасность девушки. Делать одновременно и то и другое я не могу. Дайте команду, чтобы медсестру пересадили в другой бронетранспортер.

– А чем она тебе мешает?

– Она связывает меня по рукам и ногам. Вместо того чтобы нормально ответить на огонь противника, я беспокоился о том, чтобы ваша подопечная не промочила ноги и не поймала пулю.

– Ладно, хватит грубить, – охладил пыл лейтенанта Воблин. – Ничего, не развалишься. Медсестра остается в твоей машине. Надо уметь делать все, лейтенант. И воевать, и защи-

щать. Ясно? Представь, что эта девушка – твоя сестра. Или... – Воблин мгновение подыскивал сравнение, – или твоя невеста.

– Хорошо, – кивнул Нестеров, прикуривая. – Уже представил. Разрешите идти?

Нестеров плелся к своей машине, безо всякого любопытства рассматривая кишлак и нависшие, казалось прямо над ним, скалы. Сновали у боевых машин мальчишки, грязные, в калошах на босую ногу, отрывисто выкрикивали слова, предлагали купить презервативы и чарс, кланчили у солдат сигареты. Степенные старики, сгорбившиеся и флегматичные, шаркали калошами, проходя мимо, останавливались напротив какой-нибудь машины, не поворачивая туловища, искоса рассматривали выцветшими глазами солдат и офицеров, одним ухом прислушивались к чужой речи и, заложив руки за спину, так же чинно и невозмутимо шли дальше.

Около бронетранспортера Нестерова окликнул голос:

– Закуривайте, товарищ лейтенант!

Шарыгин, сидя на броне, протягивал пачку сигарет.

– Накурился уже до одури, Шарыгин... Да ладно, давай твою отраву... Где эта немногословная красавица, мать ее за ногу...

– Ушла к начальнику штаба.

– А почему не спросила у меня разрешения? Ладно, скатертью дорога. Надеюсь, она больше не вернется, и мы сможем заниматься нормальной боевой работой.

– Это верно, – согласился Шарыгин, загоня шомпол в ствол автомата. – Зря мы в канаве валялись. Надо было бы посадить Толяна за пулемет, а самим рвануть вперед, закидывая дувалы гранатами.

– Ну да, надо было... Только и остается фантазировать, каких бы мы шиздюлей навесили «духам».

Нестеров курил, глубоко и часто затягиваясь, глядя, как солдаты меняют сахар на анашу. По обочине шел Ашот Вартанян, крепко прижимая к груди банки с тушенкой и отбиваясь от наседавших на него мальчишек. «Азер! Азер!» – кричали они вслед офицеру. Ашот оборачивался, хмурил брови, делал свирепое лицо и матерился. Пацаны смеялись, улюлюкали, показывали непристойные жесты.

Криво улыбаясь, Ашот подошел к Нестерову:

– Маленькие волчата! Хотели тушенку умыкнуть. Один, юркий такой, хват у меня из рук банку – и в толпу. Я за ним, а мне – подножку. Еле устоял... Гляди-ка, кого наш ротный в-ведет...

Звягин быстро шел вдоль колонны, а за ним едва поспевал старый афганец.

– Нестеров! – крикнул издали Звягин. – Где Алимов? Пусть переведет. Этот душара хочет нам что-то сказать.

– Бабок он хочет, по роже видно, – пробормотал Нестеров.

Исмаил Алимов, таджик по национальности, понимал дари и вполне справлялся с обязанностями переводчика. Солдат подошел к афганцу и протянул ему руку:

– Салам алейкум!

Афганец ответил на приветствие и торопливо заговорил, прикладывая руку к сердцу:

– Меня зовут Махмед Саид. Я дехканин, живу недалеко отсюда, на краю рисового поля. Недавно у меня родился третий сын. Ребенок здоров, но его мать чувствует себя очень плохо. Врачей у нас нет. Денег тоже мало. Мы очень бедные, а жена вот-вот умрет. Может, среди вас есть врач?

– Где медсестра? – спросил Звягин у Нестерова.

– У Воблина спроси.

– Давай-ка, Саня, найди ее, еще трех солдат с собой, и сходите к афганцу... Если, конечно, это действительно недалеко.

– Приключений захотелось?

– Надо же изобразить сочувствие, блин горелый! – вспыхнул Звягин. – Мы тут все-таки оказываем помощь братскому афганскому народу!

Воблин и девушка сидели на земле рядом с командно-штабной машиной. Выслушав Нестерова, начальник штаба посмотрел на девушку и произнес:

– Заставлять не могу. Просить не хочу. Приказывать не имею права...

– Ладно, я схожу, – ответила медсестра, поднимаясь с земли.

– Только недолго, Нестеров, – предупредил Воблин. – Одна нога там – другая здесь. Даю вам от силы полчаса.

Махмед Саид быстро шел по кишлячной улочке. За ним – медсестра, Нестеров, Вартанян. Трое солдат во главе с Шарыгиным, оглядываясь по сторонам, замыкали маленькую группу.

Вскоре афганец вышел на маленькую площадь, в центре которой возвышался трехэтажный дом, обнесенный очень высокими дувалами. Поминутно оглядываясь, Махмед свернул влево и по узкой улочке повел в глубь кишлака. Наконец он отворил тяжелую, обитую железом дверь и жестом пригласил всех зайти во двор.

– А он не из бедных, – вслух подумал Ашот, заглядывая через проем двери. – Может, «духам» помогает, а они ему платят.

– Да скорее всего он сам и есть «дух», – вставил кто-то из солдат.

Двор был обжитым, уютным. У большой кучи соломы лежал теленок, чинно расхаживали куры, индюки. Двуколка с поднятыми, как стволы орудий, оглоблями была завалена мешками и дровами. Из двери дома вышла смуглая, пугливая девочка и юркнула в сторону.

– Моя старшая дочь, – сказал афганец.

Шарыгин и солдаты остались у входа во двор. Только Алимов вслед за офицерами и медсестрой зашел в дом.

В комнату вела дверь, утепленная войлоком. Когда Махмед распахнул ее и отодвинул в сторону занавеску, дохнуло тяжелым запахом жилья, несвежести, грязного белья, и офицеры, как по команде, схватились за носы.

Маленькая комнатка была жарко натоплена. Левая часть была перегородена шторой. В центре комнаты – «буржуйка», накаленная докрасна, изгиб трубы от нее уходил в отверстие в стене. У запотевшего окошка на матрасе, укутанный в одеяло, лежал крохотный ребенок. Не спал, смотрел невидящими глазами перед собой и едва шевелил губами.

Матрасы были разбросаны в каждом углу. Хозяин, войдя в комнату, снял калоши, босиком зашлепал к шторке, оттянул ее край и жестом пригласил медсестру зайти. Там была женская половина.

Медсестра вопросительно посмотрела на Нестерова.

– Да иди уж... – ответил Нестеров. – Если что случись, нам тут всем крышка.

Ашот легонько толкнул Нестерова локтем и едва заметно указал глазами куда-то в угол. Махмед на полсекунды опередил это движение Вартаняна, присел на матрасе и быстро смотрел в рулон какой-то продолговатый предмет, похожий на ленту.

– Исмаил! – раздался из-за ширмы голос медсестры. – Скажи, что вялость и слабость у жены – вполне обычное явление... Воспалений нет.

Солдат синхронно перевел афганцу слова. Махмед, очень внимательно слушая, кивал головой, а девочка, сидящая около печки, смотрела на Алимова как на бога, широко раскрыв рот.

– Что ты мне хотел показать? – спросил Нестеров Ашота.

– Патронташ, – негромко ответил Вартанян.

Нестеров посмотрел на часы. Прошло уже двенадцать минут, как они оставили колонну.

Пока шел диалог между медсестрой, солдатом и Махмедом, Ашот без видимого любопытства стал расхаживать по тесной комнатухе, рассматривая предметы. Потом он взял с печурки маленький металлический чайник, налил бледно-желтой водички в пиалу, придирчиво осмотрел ее края, но все же переборол брезгливость и медленно выпил. Рукавом бушлата вытер усы и пробормотал:

– Умирал, пить хотел. Но боялся, что он предложит первым. Когда бабаи что-то предлагают мне, то всегда отказываюсь... Что-то, старик, тревожно мне на душе.

– Может, дать тебе водки? – спросил Нестеров и хлопнул по фляге, которая висела на его ремне... – Какого черта он так жарко топит? Я уже взмок.

Наконец девушка вышла из-за ширмы.

– Как в бане! – воскликнула она и расстегнула бушлат. – Исмаил, скажи ему, что у жены небольшое кровотечение, но все в пределах нормы. Волноваться не надо. Спроси, есть ли у матери молоко. – И присела у ребенка, раскутывая его.

Исмаил спрашивал, хватая себя за мнимую грудь.

– У окна дует, – сказала медсестра. – Скажи, топить надо слабее, а ребенка переложить к стене.

Солдат перевел.

– Ну, в чем дело? – выждав паузу, спросила медсестра. – Почему он не перекладывает? Тут жуткий сквозняк. Эй, папаша! Перетаскивайте матрас в другой угол!

Афганец кивал и вместе с тем заметно заволновался. Он подошел к младенцу и, неестественно улыбаясь, погладил его по голове. Казалось, он перестал понимать, что ему рекомендует медсестра.

Ашот схватил матрас за край и попытался оттащить в сторону, но афганец вдруг громко и торопливо заговорил, замахал руками.

– Он говорит, что замажет щели глиной, – перевел Алимов.

– Фиг с тобой, – согласился Ашот. – Мое дело предложить, его дело отказаться.

– У ребенка потница, Исмаил. Нужна присыпка... – говорила медсестра.

– Он спрашивает, не опасно ли? Беспокоится очень.

– Скажи, что через две недели все пройдет. Только пусть он не заставляет ее работать. Полгода ей нельзя носить тяжести. Так и переведи. Пусть мать только ухаживает за ребенком.

– Да не о работе он спрашивает, – хмыкнул Ашот, снова взял чайник, но передумал и вернул его на место. – Его интересует, когда ему спать с ней можно будет... Красивая хоть?

– Как атомная бомба, – предположил Нестеров.

– У вас, мужиков, только одно на уме, – ответила медсестра.

Махмед низко поклонился Алимову и протянул медсестре замусоленную пачку розовых купюр. Девушка сделала вид, что не увидела денег, повернулась и пошла к выходу – она уже не могла дышать здесь.

– Не надо, дядя! – Вартанян похлопал афганца по плечу. – Убери свои вшивые бабки! Скоро мы вам построим коммунизм, и все деньги отменят. И все будет бесплатным... – И добавил Алимову: – Исмаил, передай бойцам, если кому афгани нужны, пусть возьмут. Но только так, чтобы мы с Нестеровым этого не видели.

Афганец, все время кивая головой, низко кланялся. На обратном пути Ашот сказал Нестерову:

– На душмана он не очень похож, как ты думаешь?

– Да вылитый душара! Нервничал очень.

– Да, я тоже обратил внимание. Видел, как он быстро спрятал патронташ?.. А ты что скажешь, востоковед?

Алимов пожал плечами.

- Тупой он какой-то... Ребенок лежит у окна, но никто его не переложит к другой стене.
- Да просто переволновался, – сказала медсестра. – Такая орава военных к нему в дом зашла... – Она вдруг обернулась и с удивлением добавила: – Легок на помине... Смотрите, за нами бежит...

Глава 3

Афганец глубоко дышал и быстро переводил взгляд с Нестерова на Алимова. Наконец он взял под локоть солдата и потянул, предлагая отойти в сторону.

– Что-нибудь случилось, чувак? – насторожился Ашот.

Глядя на Нестерова, афганец прошептал:

– Я хочу сказать вам... Уезжайте отсюда, немедленно. Как можно быстрее!

– Алимов, спроси его, почему у него такие глаза круглые? – сказал Нестеров.

– Поверьте, – еще тише проговорил Махмед, – я не связан с моджахедами. Я хочу работать, у меня есть земля. Мне надо растить детей. Но они убьют их, если я перестану выполнять волю хозяина... Не спрашивайте, я не могу сказать вам всего. Если вы не уедете отсюда, то будет беда... Ради Аллаха, уезжайте!

– В кишлаке есть душманы? – спросил Нестеров.

Алимов перевел.

Афганец покрутил головой и почти выкрикнул:

– Нет, нет! Но клянусь детьми, что ни слова не солгал вам!

Он замолчал, оглянулся и почти шепотом добавил:

– Да простит меня Аллах... Я скажу вам. Они придут. Скоро. Здесь они хотят обустроить свои склады. Много складов с оружием, гранатами и минами...

Махмед замолчал и, ни слова не говоря больше, быстро пошел в обратную сторону.

– Ты правильно перевел? – спросил Ашот у Алимова.

– Клянусь Аллахом, – попытался сострить солдат. – Дословно.

– Пошли отсюда, – коротко сказал Нестеров и зашагал вперед.

Девушка пошла с ним рядом, почти вплотную. Бойцы чуть отстали. Они все еще делили деньги, которые дал им афганец...

* * *

Воблин нервно курил одну сигарету за другой.

– Значит, в кишлак идет банда с оружием?

Он прикурил новую сигарету и с сомнением покачал головой.

– Враки. В кишлак «духи» не сунутся. В нем полно жителей, на хера «духам» подставлять своих единоверцев под огонь нашей артиллерии? Ваш афганец – врун и провокатор. Он нас просто заманивает в ловушку. Этот говнюк хочет, чтобы мы стянули сюда лучшие подразделения, стали кольцом вокруг кишлака, чтобы потом расстрелять нас с четырех сторон.

– Предположим, душманы готовят ловушку, – произнес Звягин задумчиво. – В таком случае мне остается лишь выразить свое восхищение их дальновидностью и способностью предвидеть будущее.

– Не понял тебя!

– Как они могли знать, что сегодня по этой дороге пройдет колонна, которая остановится у кишлака – привал ведь был незапланированным, ждали Нестерова. Откуда они могли знать, что с нами будет медсестра, которая сразу согласится осмотреть жену афганца? Неужели рождение ребенка – тоже в плане ловушки?

– Ты напрасно иронизируешь, Звягин! – резко ответил Воблин. – Все значительно проще. Послушай теперь мой вариант. Душманы подготовили ловушку. Во-первых, они обстреляли нас у кишлака. Обычно колонны всегда после обстрела встают на короткий привал. Второе: либо медсестра, либо солдат-фельдшер есть в каждом подразделении. И в-тре-

тых, жене этого афганца нетрудно было симулировать недомогание. Вы же мне сами сказали, что та женщина практически здорова.

– Патронташ! – вдруг воскликнул Ашот и хлопнул себя по лбу ладонью. – Как все просто!

– Какой патронташ? – насторожился Воблин.

– В комнате Махмеда мы видели кожаный ремень-патронташ.

– Ну вот, – оживился Воблин. – Эта деталь говорит о том, что я прав. Ваш афганец – душара чистейшей воды.

– Нет, нет! Как раз наоборот! – махнул рукой Вартанян. – Эта деталь доказывает, что Махмед говорил правду. Если бы «духи» заранее готовили весь этот спектакль, то уж постарались бы не оставить никаких улик... Нам повезло! Мы случайно узнали о том, что завтра ночью в кишлак придет банда. Надо быть полным идиотом, чтобы не воспользоваться случаем!

– Полный идиот – это относится ко мне? – с подозрением спросил Воблин и, качая головой, вздохнул: – Вы доверчивы, аки девицы, а разведчик всегда должен сомневаться... Ты что предлагаешь, Звягин?

– Сегодня ночевать здесь: ехать на закате дня – безумство. А завтра ночью вернуться, разумеется, по другому маршруту, в пешем порядке, со стороны сопок. Блокировать кишлак и раздолбать «духов».

– А если мы блокируем его, а в нем не окажется ни одного человека? Ни махмудов, ни их жен и детишек? Начинаем искать несуществующие склады и оказываемся в западне. И нас перемешивают с собственным дерьмом. Вам это надо? Мне не надо. Я хочу вернуться в Союз живым. И хочу, чтобы вы тоже еще попили водочки и потискали девушек.

– Так что вы предлагаете?

– Свалить отсюда как можно скорее. О глупом разговоре с афганцем «наверх» не докладывать. Ничего не было. Никто не слышал про «духов» и склады... Чего ты морщишься, Нестеров?

– Черт его знает, товарищ капитан... Не могу ясно выразиться, но мне как-то не по себе. Мы, значит, свалим отсюда как можно скорее, а днем позже кто-то из наших нарвется здесь на банду... Не по-товарищески все это...

– У, блин! Ты где таких слов понахватался? Принципиальный?

– Да при чем здесь это! Я просто мужик. Понятно? Мужик! Я своим свинью не подкладываю.

– Слушай, Нестеров! Мне иногда хочется тебя убить. Какую свинью? Какой-то тупой дехканин брякнул тебе про «духов» и склады с оружием, а ты поверил. Я не всегда доверяю даже трижды проверенным разведанным, а ты готов подписаться под словами обкуренного недоумка.

– Интуиция, товарищ капитан.

Воблин поморщился.

– Я твоя интуиция, пацан! Понятно? Мой опыт все-таки побольше твоего. И я предпочитаю, чтобы на войне каждый занимался своим делом. Мы сейчас не готовы к активным действиям. Наша задача – сохранить жизнь бойцам. Если мы сейчас свяжемся с центром боевого управления и только заикнемся про бредни старого разбойника, то нас немедленно заставят самим решать проблему. Разве вы не знаете, что в армии так всегда – кто кидает идею, тот первым ее и решает. Потому требую забыть все, что вы услышали в кишлаке.

– Я так не могу, – из-за спины Воблина сказал Ашот и принялся нервно грызть ногти. – У меня земляк служит в автобате, через пару дней ему с колонной проезжать мимо этого кишлака. А вдруг ему здесь шиздюлей навешают? Получается, что я знал об опасности, но его не предупредил... Не могу я так...

– Ну, хорошо, – процедил Воблин, яростно расчесывая багровую шею. – Один не может, другой не может... Сборище безвольных мудаков... Хорошо, будь по-вашему. Я поставлю в известность цэбэу о приходе банды. Только они получают информацию не от меня, а от первоисточника... Нестеров! Бери с собой пятерых бойцов, шиздуй в кишлак и приведи сюда этого вашего старика Хоттабыча. Для начала я его переправлю к хадовцам, пусть они ему иголки под ногти засунут, а потом динамо-машинку к яйцам... Узнаем, что у него на уме и кто такие его хозяева.

– Вы чего, товарищ капитан! – отшатнулся от начальника штаба Нестеров. – За что его сдавать хадовцам? Там же звери работают, а не люди!

– Вот именно звери и нужны для поисков истины, мальчик.

– Нет, – покрутил головой лейтенант. – Так нельзя... У него жена с кровати не встает, трое детей малолетних. На фига издеваться над человеком?

– Нестеров прав, – поддержал товарища Ашот. – Не надо мужика трогать. Он нам доброе дело сделал, что предупредил, а мы его зверям сдать хотим.

Воблин всплеснул руками.

– Я тащусь от вас, товарищи офицеры. Вы сами для начала разберитесь, чего хотите! Если намерены обезвредить банду, то сперва обработайте все источники информации, чтобы иметь полную и достоверную картину. А если собираетесь пересчитывать чужих детишек, то лучше засуньте свои языки себе в задницы и молчите! Прислушайтесь к совету старшего товарища. А то хотите и рыбку съесть, и на фуй сесть.

– Не только мы, – вздохнул Ашот. – Все так хотят – объять необъятное. И коммунизм в Афгане построить, и чтобы в нас не стреляли.

– Все! Вопрос решен! – перебил его Воблин. – Ночуем здесь. Даже если в самом деле «духи» намереваются обустроить здесь склады, то этой ночью они нас не тронут и дадут спокойно уйти утром. Можете до заката заняться благотворительностью, скупить все дерьмо в близлежащих дуканах, вылечить от сифилиса всех местных жителей и обменять хлеб и сахар на анашу. Все свободны!

* * *

Батальон готовился к ночлегу. Бронетранспортеры и боевые машины пехоты расположились кольцом, в котором прижались друг к другу бензозаправщики, полевая кухня и командно-штабная машина. Звягин, организуя выносные посты, выехал на противоположную окраину кишлака, ближе к горам. Вартамян и Нестеров сидели на броне и готовили схемы постов и маршрутов часовых.

– Мне нравится твоя медсестра, – не вынимая изо рта сигареты, сказал Ашот. – Ты с ней уже перепихнулся?

– Нет, – ответил Нестеров, не поднимая головы. Он рисовал на тетрадном листе схему опорного пункта.

– На твоём месте я бы предложил ей переспать. Ты холост и обворожителен. Или боишься Воблина?

– Кто у тебя в третьей смене пойдет?

– Пиши Курченко и Богданова...

– Шарыгин! – позвал Нестеров.

Сержант вместе с Бенкечем менял пробитое пулями переднее колесо.

– Шарыгин, сгоняй на кухню и принеси нам с Вартамяном ужин... Вообще-то возьми три порции. Медсестру тоже надо покормить.

Вартамян, долго вымучивая первое слово, сказал:

– Д-для такого случая жертвую вареньем из ереванской айвы.

Гремя ботинками, он шумно спустился внутрь машины.

– Послушай, Ашот, а где устроить ее на ночлег?

– О! – Вартанян вынырнул из люка с банкой варенья в руках. – Это уже ближе к теме. На своем матрасе, разумеется. Но сначала спроси у нее: мол, где вы, мадам, предпочитаете спать – на железном полу бэтэра или на моем матрасе? Она, конечно, скажет: на матрасе. А ты ей: ладно, фиг с тобой, но учти, что сначала я сверху, а ты снизу, а потом поменяемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.